

Андрей Дашков

На берегу Стикса

Андрей Дашков
На берегу Стикса

«Автор»

Дашков А. Г.

На берегу Стикса / А. Г. Дашков — «Автор»,

ISBN 978-5-457-34723-6

Он не убивал, он только переправлял своих жертв на ту сторону. Но что будет, когда он их встретит там?..

ISBN 978-5-457-34723-6

© Дашков А. Г.
© Автор

Содержание

НА БЕРЕГУ СТИКСА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Андрей ДАШКОВ

НА БЕРЕГУ СТИКСА

Никто не смог бы сказать, зачем такие люди, как Крот и Шлок, рождаются на свет. Вопрос «зачем?» – один из запрещенных. Задающие его обрекают себя на безнадежное ожидание ответа. А ответ, который ничего не объясняет, таков: «Не зачем, а потому что». Крот и Шлок родились, потому что где-то когда-то чья-то дурная кровь смешалась с другой дурной кровью – и получились два смазливых подонка. Их матери были слишком испорченными существами, чтобы сокрушаться о том, что помогли явиться в этот мир мерзавцам. Их отцы плохо закончили – и сдохли раньше, чем увидели результат почти сразу же забытых потных случек в алкогольных сумерках. Эти случки ничем не отличались от сотен других, если не считать последствий. Последствия могли оказаться для обоих папаш чрезвычайно болезненными, но судьба смилостивилась над ними и прибрала в ад пораньше. Крот и Шлок просто не успели вырасти и обрадовать родителей своим быстрым развитием. Да, к папашам дьявол послал других почтальонов, зато молодые псы вскоре с лихвой наверстали упущенное. Им нашлась работа, которая не имела ничего общего с созидательным трудом.

Правда, масштаб деяний изменился. В былые времена сыновья отбирали у отцов царства и насиловали матерей, обретая славу на века. Теперь ублюдков прямо называют ублюдками и выбрасывают за дверь, едва они начинают показывать зубы. Но поганое семя не умирает. Оно прорастает где угодно, и чем хуже условия, тем крепче сорняк цепляется за жизнь.

Когда обоим хищникам было по шестнадцать лет, они встретились на кривой дорожке и слиплись, как магнит и кусок железа. С тех пор не расставались. Это была не дружба, а симбиоз двух негодяев, прекрасно дополнявших друг друга. Они делили проституток, добычу, наркотики, деньги, еду и жертв. Когда кому-то из двоих дырявили шкуру, они делились кровью. Она была у них одной группы – отравы из лабораторий преисподней.

Они не помнили своих настоящих имен и фамилий, хотя от фамилий произошли клички – ведь оба были красавчиками. Крот и Шлок. Иногда это звучало как названия созвездий – неподвижных, мертвых, лишенных намека на свет, будто шляпки гвоздей, вбитых в крышку гроба. Крот обладал вкрадчивыми манерами. Его ухмылка сверкала, как лезвие бритвы. А Шлок был азартен и неумолим, точно инквизитор. Кроме того, он имел романтическую внешность. На эту удочку нередко попадались глупые бабенки. Шлок не был поэтом, но при желании рифму и ритм можно отыскать даже в воплях отчаяния.

Впрочем, хватит о грустном. Эта ретроспектива застаёт Крота и Шлока в конце их усеянного трупами пути. Была летняя ночь, рассеченная надвое пустым темным шоссе. Дрыхнувший боженька потел – капал горячий дождик. Перегревшийся двигатель угнанного «форда» задушенно ревел. Тьма пожирала время и километры. Будущее просматривалось не дальше, чем били фары, но Крот и Шлок знали то, чего не знали яйцеголовые: на самом деле пули всегда обгоняют свет. И только старая тюремная песня, звучавшая из приемника, напоминала о прошлом.

Напряжение было вроде сжатой до предела пружины, готовой выбросить из табакерки двух чертиков, хотя хватило бы и одного, чтобы вызвать головную боль у легавых всего города, покинутого недавно этими бандитами.

Крот вел машину. Его лицо смахивало на тусклую жестянку для консервов, на которой выбиты дата изготовления и срок годности, который истекал этой ночью. Шлок выглядел абсолютно спокойным, хотя в жилах у него булькал адреналиновый кипяток. Для полного кайфа не хватало разве что цепочки мигалок на горизонте. В этой глухомани даже Смерть завывала бы от безделья.

Впрочем, соображалка у Шлока работала достаточно хорошо и она подсказывала ему: чтобы достичь новых городов, полных сердец, надо пересечь пустыню, как это сделал когда-то один старый еврей. И все же что-то тут было не так. Треть суток минула в дороге, если не врут два шикарных хронометра и вшивая тикалка на панели «форда». Небо не стало светлее ни на один люкс. Да и с бензином выходила странная штука – то ли «форд» жрал меньше мотороллера, то ли прибор был сломан – во всяком случае, тачка не подавала никаких признаков того, что горючее заканчивается.

Крот уже забыл, когда в последний раз поворачивал рулевое колесо – чертово шоссе было прямым, как извилины его матери. Шлок даже не пытался лепить штурмана там, где штурман не нужен. У него было простое и неоднократно проверенное правило: если ты оказался в заднице, следует думать лишь о том, как будешь выбираться из кучи дерьма.

В багажнике «форда» лежала связанная женщина. Живая она стоила дорого; мертвая не стоила ничего. Она умерла совсем недавно. Ни Крот, ни Шлок еще не знали, что у них больше нет последнего козыря.

Вскоре Шлок решил перекусить. Его аппетит не портился ни при каких обстоятельствах. В пакетах, брошенных на заднем сиденье, было полно жратвы, взятой в придорожном магазинчике, который стоял на выезде из города. Шлок запомнил висевший за витринным стеклом плакат с надписью: «Настоящая жизнь начинается за городской чертой». После короткой беседы со Шлоком хозяин магазинчика убедился в обратном.

Остывшая пицца неплохо пошла под «Убийцу в красном плаще». Крот выбрал бутерброды и баночное пиво. После четвертой банки он захотел отлить, а заодно вспомнил о женщине. Крот не любил связываться с заложниками. Они лишали его автономности. Их надо было поить, кормить и водить по нужде – причем чаще, чем обычно. В общем, сплошная морока, гребаные ясли. Кроме того, Крот презирал трусливые сделки и недостойные способы добывания средств к существованию. Он предпочитал старый добрый налет, честную охоту с шансами для дичи. Но в данном случае захват был неизбежен. Заложница послужила пропуском, который позволил Кроту и Шлоку беспрепятственно покинуть город.

После еды начало клонить в сон – оба не спали уже больше суток. Когда Шлок заикнулся о «каком-нибудь вонючем мотеле», Крот только ухмыльнулся. Он сомневался, что на обочине этого дурацкого шоссе, которое все больше напоминало заброшенный протекающий туннель, есть хотя бы один мотель. Поэтому он остановился посреди проезжей части, вышел из машины и расписался тугой струей на темном асфальте. Шлок сделал то же самое, затем открыл багажник, и Крот услышал разочарованный смешок.

Водяная крошка сыпалась из мрака. Если бы не фары «форда», пространство было бы чернее драконьего зрачка...

Шлок смеялся редко. Но когда это случалось, Крот знал: дело плохо. Ему вдруг захотелось раствориться в окружающей тьме, стать тьмою, которая безмерно больше людишек, мечущихся между жизнью и смертью. Он чувствовал, что внутри у него достаточно черной краски, чтобы затопить ею целый город. Но тут был не город. Тут была пустота окончательно разложившегося мира, возможно, уже переболевшего раком времени.

Шлок помог Кроту вернуться в практическую плоскость.

– Сдохла, мать ее, – сообщил он.

– Ты кто – доктор? – осведомился Крот, закуривая сигарету. Его движения были плавными, даже вкрадчивыми, отчего возникало обманчивое впечатление медлительности.

– Ага, – сказал Шлок. – Хирург.

– Тогда вырви ей зубы.

– Отошлем их ее папаше, мать его?

– Зачем? У него хороший дантист.

– Можешь не сомневаться.

Крот и Шлок могли продолжать в подобном духе до бесконечности. Таков был их специфический юмор, часто понятный только двоим, а иногда непонятный никому. Шизофренические диалоги не мешали свободной половине каждого думать о своем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.